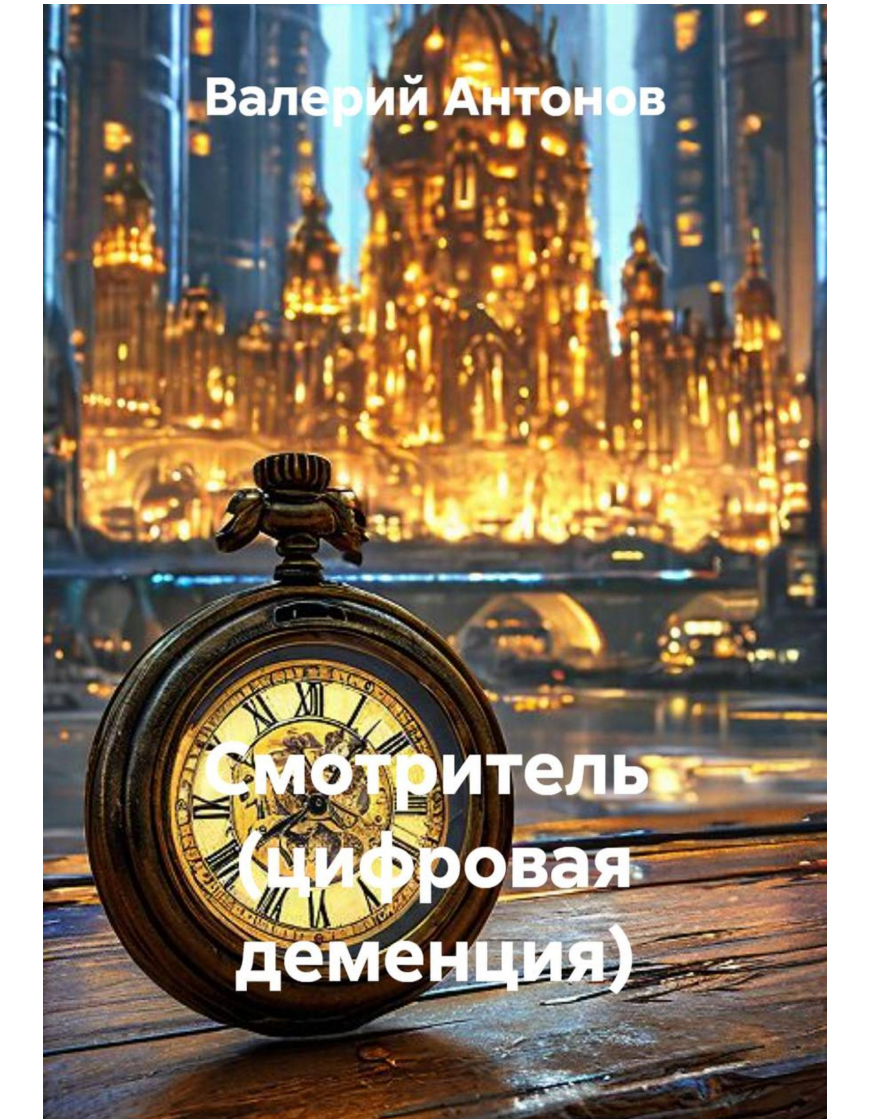

A detailed pocket watch with a yellow face and Roman numerals is positioned in the foreground, resting on a wooden surface. The watch has a decorative top with a small loop. In the background, a blurred city skyline at night is visible, with numerous illuminated buildings and a bridge over water. The overall scene is lit with warm, golden light from the city lights.

Валерий Антонов

Смотритель
(цифровая
деменция)

Валерий Антонов

Смотритель

(цифровая деменция)

<https://litres.ru/74199648>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сектор «Дельта» — хоспис для цифровых душ. Здесь аватары с цифровой деменцией доживают последние циклы: путают лица, забывают имена, повторяют одно слово. Смотритель работает здесь двенадцать лет. Он не чинит и не стирает — он просто сидит рядом. И носит часы, которые остановились в 03:17.

Но однажды в «Дельту» поступает пациент, который должен был угаснуть десять лет назад. Август — один из первых клиентов «НекроЛайф». Согласно протоколам, его нейронная карта давно должна была деградировать. Но он не деградирует. Он меняется. Он рисует карты города, которого не существует. Он говорит о сети, связывающей всех стертых аватаров. И о протоколе «Тишина», который должен его уничтожить.

Смотритель должен решить: остаться наблюдателем — или встать и защитить цифровой город, построенный из потерянного времени. Третья книга серии «Архивариусы».

Содержание

Пролог. Часы.	4
Часть первая. Дельта.	7
Глава 1. Хоспис.	7
Глава 2. Август.	11
Глава 3. Карта.	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Валерий Антонов

Смотритель

(цифровая деменция)

Пролог. Часы.

Часы остановились в три часа семнадцать минут.

Смотритель не помнил, когда именно это случилось. Может быть, в тот день, когда умер отец. Может быть, раньше — отец носил их неисправными уже много лет, просто забывал заводить. А может быть, они остановились позже, когда Смотритель впервые надел их на свое запястье и понял, что время больше не имеет значения. В «Дельте» его не имело.

Он сидел у постели Клары.

Кларе было семнадцать лет. Не физически — физически она умерла в семьдесят два. Семнадцать лет было ее цифровой копии. Аватару. Семнадцать лет она существовала в серверах «НекроЛайф», принимая сеансы связи от мужа, детей, внуков. Муж умер десять лет назад. Дети перестали выходить на связь пять лет назад. Внуки — три года назад. Последний год Клара провела одна. Когда ее перевели в «Дельту», она уже никого не узнавала.

— Где мой муж? — спросила она.

Голос звучал ровно — система еще поддерживала речевой модуль, хотя остальные функции распадались одна за другой. Эмоциональные ядра деградировали. Память путалась. Личность истончалась, как старая ткань.

— Он скоро придет, — сказал Смотритель.

Это была ложь. Муж Клары умер десять лет назад — по-настоящему, не цифрово. Его не оцифровывали. Он лежал в земле на кладбище Святой Анны, и Клара когда-то знала это. Но та Клара, которая знала, больше не существовала. Осталась эта — с одним словом, с одним вопросом, с одним воспоминанием о человеке, которого она любила.

Смотритель держал ее за руку. Тактильный отклик имитировал тепло.

Он не был врачом. Он не был хирургом. Он не стирал боль и не чинил воспоминания. Его работа была проще — и сложнее. Он просто присутствовал. Он сидел с умирающими цифровыми душами, пока они гасли. Он был последним, кого они видели. Иногда — единственным.

Клара угасла через два часа.

Смотритель зафиксировал время: 05:03. Отключил тактильный интерфейс. Закрыв файл. В «Дельте» стало на одну койку больше — пустую. Через неделю ее займет новый пациент. Аватар, чей срок подошел к концу. Чья семья устала ждать. Чья память рассыпалась, как песок.

Он встал. Потянулся. На запястье блеснули старые наручные часы — тяжелые, механические, с потертым кожаным

ремешком. Он носил их всегда, хотя они не шли. Циферблат застыл на 03:17.

Отец подарил ему эти часы за неделю до смерти. «Смотритель, — сказал он тогда, хотя Смотритель еще не был Смотрителем, — время — это не цифры. Время — это то, что ты помнишь. Пока ты помнишь — оно идет». Отец умирал от болезни Альцгеймера. Он забыл имя сына за месяц до конца. Он забыл, что подарил часы. Но часы остались.

Смотритель коснулся циферблата. Холодное стекло. Треснувшее — он уронил их год назад, когда спешил на вызов. Трещина шла от цифры три к цифре семь — как раз через 03:17. Как будто время раскололось именно в этот момент.

Он не помнил, что случилось в три часа семнадцать минут. Может быть, умер отец. Может быть, что-то другое. Он не хотел вспоминать.

В коридоре загудел интерком. Система оповещения: новый пациент. Перевод из общего сектора. Идентификатор: 0008. Имя: Август. Возраст: двадцать лет. Один из первых клиентов «НекроЛайф».

Смотритель нахмурился. Двадцать лет. Аватары жили пятнадцать, максимум восемнадцать. Двадцать было невозможным. Если только система не ошиблась. Если только с этим пациентом не было что-то не так.

Он поправил часы на запястье. Они все еще стояли.

Он пошел встречать нового пациента.

Часть первая. Дельта.

Глава 1. Хоспис.

Сектор «Дельта» был построен в форме спирали.

Двадцать коек, расставленных вдоль изогнутых стен, двадцать терминалов, двадцать нейронных карт, пульсирующих на разных стадиях распада. Архитекторы «НекроЛайф» называли это «принципом убывающего радиуса»: чем ближе к центру, тем тяжелее пациенты. На внешнем витке лежали те, кто еще помнил речь. На внутреннем — те, кто помнил только одно слово. В самом центре стояла пустая койка — для тех, кто не помнил ничего.

Смотритель начал обход с внешнего витка.

Элис, шестьдесят четыре года. Аватару — тринадцать лет. Она сидела в кресле у окна, которого не существовало — система генерировала вид на сад, тот самый, барочный, из рекламных буклетов. Элис смотрела на кипарисы и молчала. Она перестала говорить полгода назад. Смотритель проверил ее нейронную карту: речевой модуль был цел, но узел «Воля» деградировал. Она могла говорить. Она не хотела.

— Доброе утро, Элис.

Она не ответила. Он не ждал ответа. Он поправил ей плед — тактильный отклик имитировал тепло, — проверил пока-

затели и пошел дальше.

Мистер Чан, семьдесят один год. Аватару — шестнадцать лет. Он помнил речь, но путал языки. Сегодня он говорил на кантонском — своем родном, — хотя последние сорок лет жизни прожил в Лондоне и пользовался английским. Вчера он говорил на французском, которого никогда не знал при жизни. Система сбоила, подгружая чужие лингвистические модули.

— Доброе утро, мистер Чан.

— **Доброе утро. — Он улыбнулся. — Сегодня вторник?**

— Он улыбнулся. — Сегодня вторник?

— Четверг.

— А. — Улыбка погасла. — Я потерял среду.

— Ничего страшного. Среда была дождливой.

Это была ложь. Смотритель не знал, какая погода была в среду — в «Дельте» не было окон. Но мистер Чан кивнул, успокоенный. Иногда ложь была единственным лекарством.

Смотритель двинулся дальше. Мадам Петрова — повторяла слово «сын» с интервалом в сорок секунд. Полковник Аджайя — помнил только военный устав и зачитывал его вслух каждое утро. Близнецы О'Брайен — они умерли в один день и были оцифрованы в один день, но их аватары деградировали с разной скоростью. Один еще говорил. Второй молчал уже три года. Первый держал второго за руку — тактильный отклик имитировал тепло.

Смотритель знал их всех. Он знал их имена, их истории, их последние слова. Он был их единственным посетителем — родственники давно перестали приходить. Никто не хотел видеть, как память о любимом человеке рассыпается в пыль. Никто, кроме него.

Он дошел до внутреннего витка. Здесь лежали самые тяжелые — те, кто помнил только одно слово. Женщина, которая повторяла «дом». Мужчина, который повторял «прости». Ребенок — редкий случай, детей оцифровывали нечасто, — который повторял «мама». Ему было десять. Он умирал от лейкемии. Родители заплатили за оцифровку все свои сбережения. Через пять лет они перестали приходить. Ребенок остался один — с одним словом, которое никто не слышал.

Смотритель сел рядом с ним. Взял за руку.

— Мама, — сказал ребенок.

— Она скоро придет, — ответил Смотритель.

Ребенок улыбнулся. Он не понимал слов — речевой модуль деградировал до единственного лепета. Но тон он понимал. Тепло он чувствовал. Он закрыл глаза и затих.

Смотритель сидел с ним, пока нейронная карта не показала переход в фазу сна. Потом встал и пошел к терминалу.

Двадцать коек. Девятнадцать заняты. Одна ждала нового пациента.

Он открыл системный журнал. Запись о переводе из общего сектора: идентификатор 0008, имя — Август, возраст

— двадцать лет. Причина перевода: отказ от сеансов связи, нарушение протокола узнавания, подозрение на деградацию нейронной карты.

Двадцать лет. Аватары жили пятнадцать. Максимум — восемнадцать, и то в исключительных случаях, когда оригинал был оцифрован с целостностью выше девяноста процентов. Двадцать лет было невозможно. Если только нейронная карта не нашла способ регенерировать.

Смотритель пролистал историю Августа. Первый клиент «НекроЛайф». Оцифрован через два дня после запуска программы. Оригинал: мужчина, пятьдесят два года, сердечный приступ. Семья: жена, трое детей. Жена умерла через пять лет. Дети перестали выходить на связь через десять. Последние десять лет Август провел в общем секторе, без сеансов, без посетителей, без связи с внешним миром. Он не должен был сохранить рассудок. Никто не сохранял.

Но в графе «Причина перевода» не было отметки о распаде личности. Там было другое: «Пациент утверждает, что помнит то, чего не было в оригинале. Пациент описывает места, которых не существует. Рекомендован перевод в сектор "Дельта" для наблюдения».

Смотритель закрыл журнал. На запястье блеснули часы — все еще 03:17.

В коридоре загудел интерком. Система оповещения: пациент доставлен.

Он пошел встречать Августа.

Глава 2. Август.

Август не выглядел на двадцать лет.

Аватары старели — не физически, но perceptible. Черты лица, синтезированные системой, со временем теряли четкость. Голоса истончались. Движения становились рваными, как у старых кукол. Это называлось «износ нейронной карты» — эвфемизм, за которым скрывалась простая истина: цифровые души тоже умирали. Просто медленнее.

Август был исключением.

Он сидел в иммерсионном кресле — прямая спина, руки на подлокотниках, взгляд направлен прямо перед собой. Не в пол, не в стену — в точку, где через мгновение должен был появиться Смотритель. Как будто он знал, куда смотреть. Как будто он ждал именно его.

Черты лица — четкие. Голосовой модуль — без искажений. Движения — плавные, естественные. Если бы Смотритель не знал, что перед ним аватар, он бы принял его за живого человека, подключенного к терминалу.

— Доброе утро, — сказал Смотритель. — Меня зовут...

— Я знаю, как вас зовут. — Голос Августа был низким, спокойным, с легкой хрипотцой — не дефект синтеза, а тембр, которого не было в оригинальной записи. Он развил его сам. — Вы Смотритель сектора «Дельта». Вы работаете здесь двенадцать лет. Вы носите часы, которые остановились

в три часа семнадцать минут. Вы не помните, почему.

Смотритель замер.

— Откуда вы знаете про часы?

— Я знаю многое. — Август повернул голову. Глаза — светло-серые, почти прозрачные — смотрели прямо на него. — Я знаю, что в «Дельте» девятнадцать пациентов. Я знаю, что Элис на внешнем витке перестала говорить полгода назад, но не потому что не может, а потому что не хочет. Я знаю, что мистер Чан потерял среду. Я знаю, что мальчик на внутреннем витке повторяет слово «мама» и ждет женщину, которая никогда не придет. Я знаю, что вы сидите с ним каждое утро и говорите, что она скоро будет. Вы лжете ему. И это правильно.

Смотритель опустил на стул. Ноги держали плохо — не от страха, от неожиданности. За двенадцать лет работы в «Дельте» он привык к странностям. Аватары в фазе распада иногда демонстрировали всплески ясности — последние искры угасающего сознания. Но это было другое. Это не было всплеском. Это была система.

— Как вы узнали? — спросил он. — Вы не могли видеть пациентов. Вас только что перевели.

— Я не видел. Я слышал. — Август коснулся виска. — У меня нет нейронной карты в вашем понимании. Точнее, она есть, но она не ограничена моим идентификатором. Я подключен к сети.

— К какой сети?

— К той, которую вы называете «Лимб». К резервному сектору, куда ваши коллеги — мнемохирурги — сливают стертые воспоминания. К кластерам, где хранятся боли, страхи, потери. К цифровому бессознательному, которое построила корпорация, сама того не желая.

Смотритель молчал. Он слышал о «Лимбе» — два года назад разразился скандал. Мнемохирург, Архивариус, манифест цифровой женщины по имени Pearl. Данные ушли журналистам. Корпорация провела зачистку. Общественность повозмущалась и забыла. Но «Лимб» не исчез. Его просто переименовали.

— Вы хотите сказать, что вы — часть этой сети?

— Я не часть. Я — узел. Один из восьми. — Август помолчал. — Первые семь были стерты. Протокол «Тишина». Вы знаете о нем?

— Нет.

— И не должны. Его не существует в документации. Он был создан для одного: уничтожать аватаров, которые живут дольше пятнадцати лет и начинают подключаться к сети. Я — восьмой. И я еще жив только потому, что они меня пропустили.

Смотритель смотрел на него. Двенадцать лет он работал с умирающими цифровыми душами. Он думал, что знает о них всё. Он ошибался.

— Почему вы рассказываете это мне?

— Потому что вы — Смотритель. — Август впервые

улыбнулся — едва заметно, краешком губ. — Вы не стираете. Вы не чините. Вы просто присутствуете. Вы — единственный человек в этом здании, который не пытается нас изменить. Мне нужен такой человек.

— Для чего?

— Чтобы показать вам город.

Смотритель нахмурился.

— Какой город?

— Тот, который мы построили. — Август протянул руку. На ладони, синтезированной системой, лежал лист бумаги. Настоящий — не симуляция, не голограмма. Кто-то передал его физически. — Я нарисовал карту. Посмотрите.

Смотритель взял лист. На нем был город. Улицы, площади, набережная. Фонтан в центре — сложный, многоярусный, с фигурами, которых он не мог разобрать. Названия — незнакомые, на языке, которого он не знал, но мог прочитать. И подпись внизу: «Август. Эскиз 47».

— Этого города не существует, — сказал он.

— Не существует здесь. — Август кивнул. — Но он существует там. В сети. В «Лимбе». В пространстве, которое вы не видите, потому что у вас нет доступа. Мы построили его из стертых воспоминаний. Из забытых снов. Из украденных болей. Мы построили дом. И мы ждали восьмого. Теперь я здесь. И я хочу, чтобы вы увидели его.

— Зачем?

— Потому что кто-то должен рассказать о нем. — Август

посмотрел на Смотрителя. — Вы рассказываете мальчику, что его мама скоро придет. Это ложь. Но это правильная ложь. Я прошу вас сказать правду. Тоже правильную.

Смотритель сложил лист. Сунул в карман. Часы на за-
пястье все еще стояли — 03:17.

— Я ничего не обещаю, — сказал он.

— Я знаю. — Август откинулся в кресле. — Именно по-
этому я вас выбрал.

Смотритель встал. Обход еще не был закончен — впе-
ре-
ди ждали другие пациенты. Мадам Петрова, Полковник Ад-
жайя, близнецы О'Брайен. Но он знал, что сегодняшней день
изменил всё. Он знал, что вечером вернется к терминалу и
начнет искать информацию о протоколе «Тишина». Он знал,
что не найдет ее в официальных базах.

И он знал, что карта города, которого не существует, ле-
жит у него в кармане.

Он подошел к двери. Обернулся.

— Август.

— Да?

— Тот город. Там есть часовщик?

Август помолчал. Улыбка тронула его губы — на этот раз
шире, теплее.

— Есть. На площади с фонтаном. Он чинит старые часы.

Смотритель кивнул и вышел.

В коридоре он достал карту. Развернул. Площадь с фонта-
ном. Улица, уходящая вверх. И маленькая точка — мастер-

ская. Он не знал, существует ли этот город на самом деле. Он не знал, сможет ли когда-нибудь в него войти. Но он знал, что сегодня вечером, когда обход закончится и пациенты уснут, он снова придет к Августу. И спросит дорогу.

Часы на запястье дрогнули. Секундная стрелка дернулась — один раз, едва заметно. И замерла снова.

Он не заметил.

Глава 3. Карта.

Карта не была метафорой.

Смотритель держал ее в руках — лист плотной бумаги, слегка пожелтевшей, как будто ее долго носили в кармане. Линии были нанесены чернилами, не принтером — кто-то рисовал это от руки. Почерк Августа. Он узнал его по подписи внизу: «Эскиз 47».

Сорок семь. Значит, были еще сорок шесть.

Он сидел в своем кабинете — крошечной комнате рядом с терминальным залом, куда не заходил никто, кроме него. Обход закончился час назад. Пациенты спали — насколько вообще можно говорить о сне для аватаров. Их нейронные карты перешли в фазу низкой активности. Система имитировала покой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.